

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ

ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА
ПО ЛУЧШЕЙ
ЦЕНЕ

ЭТОТ
БЕССМЕРТНЫЙ

Лучшая фантастика по лучшей цене

Роджер Желязны
Этот бессмертный

«ЭКСМО»

1965

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Желязны Р.

Этот бессмертный / Р. Желязны — «Эксмо», 1965 — (Лучшая фантастика по лучшей цене)

ISBN 978-5-04-091669-6

Планета Земля, отравленная радиацией и истерзанная жестокими войнами, оставлена людьми ради новых, прекрасных миров. Немногие оставшиеся вернулись в античную эпоху – эпоху богов и героев, жутких чудовищ и волшебных артефактов. Вернуть историю на круги своя, а человечество на родную планету способен только он, Конрад, этот бессмертный... Дебютный роман Грандмастера НФ Роджера Желязны, удостоенный престижной премии «Хьюго», лучшее переосмысление античной мифологии за всю историю фантастики!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-091669-6

© Желязны Р., 1965

© Эксмо, 1965

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Роджер Желязны Этот бессмертный

Бену Джейсону

Roger Zelazny
This Immortal
Copyright © 1965 by Roger Zelazny

Публикуется с разрешения наследников автора и их литературных агентов, Zeno Agency Limited (Великобритания) при участии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© И. Куберский, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

– Ты ведь калликанзарос, – неожиданно объявила она.
Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.
– Свои рога и копыта я оставил в конторе.
– Так ты знаешь, про кого я!
– Вообще-то я Номикос.
Я потянулся к ней и нашел ее.
– Ты что, действительно собираешься разрушить весь мир?
Я засмеялся и привлек ее к себе.
– Надо подумать. Если именно поэтому Земля и разваливается...
– Послушай, у детей, рожденных здесь на Рождество, калликанзаросская кровь, – сказала она, – а ты однажды обмолвился, что твой день рождения...
– Вот и отлично!
Мне пришло в голову, что она лишь наполовину шутит.
Зная, какие существа могут случайно попасться на глаза в этих Старых, а теперь Горючих, местах, начинаешь почти без труда верить в мифы – в разные там рассказы о похожих на Пана¹ лешаков, которые собираются каждую весну, чтобы потолкаться под Деревом Мира, а затем разбежаться кто куда от звона пасхальных колоколов. (Дин-дон – колокола, клак-клак – зубы, цок-цок – копыта и т. д.) Мы с Кассандрой не имели привычки обсуждать в постели вопросы религии, политики или фольклор Эгейского бассейна, но меня, поскольку в этих местах я и родился, подобные воспоминания задевают за живое.
– Ты делаешь мне больно, – сказал я полушутя-полусерьезно.
– А мне не больно?
– Прости.
Я снова расслабился. Помолчав, я объяснил:
– Когда я был сорванцом и ко мне приставали другие сорванцы, они меня звали «Константин Калликанзарос». Когда я подросток и подурнел, они перестали так меня звать. По крайней мере в лицо...
– «Константин»? Твое имя? А я полагала...
– Теперь я Конрад, и больше не будем об этом.
– Но мне оно нравится. Я бы лучше звала тебя «Константин», чем «Конрад».

¹ *Пан* – в греческой мифологии сын бога Гермеса; первоначально почитался как покровитель пастухов, бог стад; впоследствии (к II в. до н. э.) – как покровитель всей природы. Изображался в виде человека с рогами, козлиными ногами и козлиной бородой. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Ну, если тебе приятно...

Луна выкатила свою постную физиономию на подоконник и стала строить мне рожи. Я не мог достать не только до луны, но и до окна, потому отвернулся. Ночь была холодной, влажной и полной тумана – здесь всегда такие.

– Комиссар по делам Искусств, Памятников и Архивов планеты Земля не станет рубить Дерево Мира, – проворчал я.

– Калликанзарос мой, – откликнулась она слишком поспешно, – я этого не говорила. Но с каждым годом колоколов все меньше, а добрые намерения далеко не всегда идут в расчет. Впрочем, у меня такое чувство, что, так или иначе, ты все изменишь. Можешь изменить...

– Ошибаешься, Кассандра.

– А мне страшно и холодно...

Она была прелестна в темноте, и я обнимал ее, чтобы хоть как-то уберечь от этих туманов, влажных и знобких.

Пытаясь воссоздать в памяти подробности минувших шести месяцев, теперь я осознаю, что, пока мы огораживали страстью наш октябрь и остров Кос, Земля уже пала в руки сил, что сметают все октябри. Возникнув изнутри и извне, эти силы роковой развязки уже тогда маршировали гусиным шагом среди руин – безликие, неотвратимые, с оружием на изготовку.

Корт Миштиго приземлился в Порт-о-Пренсе на древнем «Сол-Бус Девять», который доставил его с Титана в сопровождении груза, состоявшего из туфель и рубашек, нижнего белья, носков, вин разных марок, разных медицинских средств и новейших магнитофонных кассет, всех этих производных цивилизации. В общем, богатый и влиятельный журналист Галактики. Насколько богатый – для нас это оставалось неизвестным еще много недель, а насколько влиятельный – для меня открылось лишь пять дней тому назад.

Пока мы бродили по рощам одичавших олив, лазали по руинам франкского замка или вплетали наши следы в следы серебристых чаек, похожие на иероглифы, там, на влажных песках пляжей острова Кос, мы прожигали время в ожидании расплаты, которой могло и не быть и которой на самом деле вовсе и не следовало ожидать.

Волосы Кассандры – цвета олив Катамары и блестят. Руки у нее мягкие, пальцы короткие, с нежными перепонками. Глаза очень темные. Она ниже меня только на четыре дюйма, но это не мешает ей быть грациозной, а во мне как-никак шесть футов с лишком. Вообще-то рядом со мной любая женщина – сама грация, совершенство и привлекательность, поскольку ничего подобного во мне нет; левая моя щека была в ту пору вроде карты Африки, выполненной в пурпурных тонах, – и все из-за мутантного грибка, который я подцепил от заплесневевшего с задней стороны холста, когда в нью-йоркскую поездку откапывали Галерею Гугенхейма; мысок линии волос у меня всего на ширину пальца отступает от бровей, глаза разные. (Когда я хочу устроить человека, я вперяюсь в него холодным голубым правым глазом, карий же служит для Взглядов Искренних и Честных.) Правый сапог у меня с утолщенной подошвой, поскольку сама нога короче.

Хотя для Кассандры в подобном контрасте нет нужды. Она прекрасна.

Я встретился с ней случайно, преследовал ее без удержу, женился на ней против желания. (Это была ее идея.) Сам я об этом действительно не думал – даже в тот день, когда пригнал свой хайк в бухту и увидел ее там русалкой, нежащейся под солнцем близ плоской кроны дерева Гиппократата, и решил, что хочу быть с ней. Калликанзаросцы особой приверженностью к семье никогда не отличались. Я вроде как поскользнулся. В очередной раз.

Стояло ясное утро. Начало нашего третьего месяца вместе. Это был последний мой день на Косе, поскольку вчера вечером я получил вызов. Все еще было влажным после ночного дождя, и мы сидели в патио² – пили кофе по-турецки и ели апельсины. День понемногу нажи-

² Патио (исп.) – внутренний дворик.

мал на педали, въезжая в этот мир. Бриз дул влажно и прерывисто, покрывая нас гусиной кожей под черной тяжестью свитеров и срывая парок с края кофейных чашек.

– «Родос, перстами дарящий Аврору...» – произнесла она, вытягивая перед собой руку.

– Угу, – кивнул я, – действительно она, розовоперстая и славная.

– Давай полюбуйся.

– Угу. Прости.

Мы допили кофе и закурили.

– Чувствую себя погано, – сказал я.

– Знаю, – ответила она. – Только зря ты так.

– Ничего не могу с собой поделывать. Велено уезжать, покидать тебя – вот и погано.

– Может, всего на пару недель. Ты сам так говорил. И потом ты вернешься.

– Надеюсь, – сказал я. – Хотя, если это затянется, я пошлю за тобой. До сих пор неизвестно, где я буду.

– Кто этот Корт Миштиго?

– Деятель с Веги, журналист. Важная птица. Хочет написать о том, что от Земли осталось.

Вот я и должен ему показать. Я. Лично. Черт его дер!

– Если тебе дают десятидневный отпуск на плавание, то не жалуйся, что перетрудился.

– А я жалуюсь и буду жаловаться. Считается, что моя работа – это синекура.

– Почему?

– В основном потому, что я сам так поставил. Двадцать лет я вкалывал, чтобы сделать Искусства, Памятники и Архивы тем, что они есть теперь, а десять лет назад я довел это дело до того, что мои сотрудники прекрасно управляют и сами. Так что я позволяю себе пастись на лужайке и являться, когда хочу, чтобы подписать бумаги да заодно поделывать что-нибудь эдакое, для собственного удовольствия. И на тебе – лизать чей-то сапог! Чтобы сам Комиссар ехал вместе с веганским писакой, когда его мог бы сопровождать любой мой сотрудник. Не боги же они, веганцы!

– Одну минутку, – сказала она, – извини. Ты сказал: «Двадцать лет? Десять лет?»

Такое чувство, будто тонешь.

– Тебе ведь нет и тридцати.

Я погрузился. Подождал. Снова выплыл.

– Гм... знаешь, есть кое-что такое, о чем я, человек в общем-то скрытный, никогда при тебе не упоминал... А тебе-то сколько, Кассандра?

– Двадцать.

– Ух! М-да... Я примерно раза в четыре тебя старше.

– Не понимаю.

– Я тоже. Даже доктора. Я как бы остановился где-то между двадцатью и тридцатью, там и остаюсь. Полагаю, что это словно, ну... часть моей персональной мутации, так вот примерно. Разве это что-нибудь значит?

– Не знаю... Да, значит.

– Тебе наплевать на мою хромоту, мою жуткую косматость, даже на мое лицо. Тогда почему тебя должен волновать мой возраст? Я молод для всего, что положено.

– Это как раз не одно и то же, – сказала она непримиримо и окончательно. – Что, если ты никогда не станешь старше?

Я куснул губу:

– Должен, рано или поздно.

– А если поздно? Я люблю тебя. Я не хочу, чтобы ты был без возраста.

– Ты проживешь до ста пятидесяти. Есть специальные средства Ж. С. Ты будешь их принимать.

– Но они не оставят меня молодой, вроде тебя.

– На самом деле я не молод. Я родился старым.

Это тоже не помогло. Она начала плакать.

– Впереди еще столько лет, – напомнил я ей. – Кто знает, что за это время может случиться?

После этих слов она еще пуще заплакала.

Я всегда живу по воле импульса. С головой у меня, в общем, все в порядке, но получается, что, как правило, я начинаю соображать только после того, как что-нибудь ляпну и дальнейший разговор уже теряет смысл.

Вот одна из причин, почему я имею штат компетентных сотрудников, хорошую радиосвязь и пасусь себе на лужайке большую часть времени.

Однако есть вещи, которые никому не препоручишь.

Поэтому я сказал:

– Послушай, тебя ведь тоже не обошло Горючее Вещество. Я только через сорок лет понял, что мне не сорок. Может, то же самое и с тобой. И я просто соседский малыш...

– Ты что-нибудь знаешь о других подобных случаях?

– Ну, если...

– Не знаешь.

– Не знаю.

Помню, тогда я снова испытал желание оказаться на борту корабля. Не на большом великолепном судне, а просто на моей старой посудине «Золотой Идол», прямо там, в бухте. Помню, мне захотелось снова привести его в гавань и увидеть в тот первый сверкающий миг там Кассандру, и чтобы можно было начать все сначала – и то ли рассказать ей сразу же обо всем, то ли пробиться назад, сквозь уходящее время, и держать язык за зубами по поводу своих лет.

Это была неплохая идея, но, черт возьми, медовый месяц уже закончился.

Я подождал, пока она перестанет плакать и я снова почувствую на себе ее взгляд. Затем я еще немного подождал.

– Ну как? – спросил я наконец.

– Нормально, спасибо.

Я нашел ее вялую руку и поднес к губам.

– Родос, перстами дарящий, – тихо выдохнул я, и она сказала:

– Может, это хорошо, что ты уезжаешь, – не насовсем же...

И бриз, срывающий пар с кофейных чашек, снова явился, влажный, покрывающий нас гусиной кожей и вызывающий дрожь то ли в ее, то ли в моей руке – точно не знаю. Он встряхивал и листья, и они роняли росу на наши головы.

– А ты не преувеличиваешь специально для меня свой возраст? Хотя бы немножко?

Тон ее голоса предполагал, что самым разумным будет с нею согласиться. Поэтому я ответил со всей убедительностью:

– Да.

В ответ она улыбнулась, в какой-то мере снова уверовав в мою человеческую природу. Ха!

Так мы там и сидели, держась за руки и глядя на пробуждение дня. Вдруг она начала напевать. Это была грустная песня, рожденная много веков назад. Баллада. В ней рассказывалось о молодом борце по имени Фемокл, борце, который ни разу не терпел поражения. Так что, само собой, он решил, что он величайший борец на земле. В конце концов Фемокл бросил свой вызов с вершины горы, и, так как оттуда до жилища богов было недалеко, они быстро откликнулись: на следующий же день на спине огромной дикой собаки, покрытой железом, в город въехал мальчик-калека. Они боролись три дня и три ночи, Фемокл и мальчик, и на четвертый день мальчик переломил молодому борцу хребет и оставил его там, в поле. И где проливалась

кровь его, там выростал strigefleur, как называет его Эммет, цветок-вампир, который, не имея корня, стелется, крадется в ночи, ища утраченный дух павшего победителя в крови его жертв. Но дух Фемокла покинул землю, и цветам этим вечно красться и искать. Проще, чем у Эсхила, но и мы ведь проще, чем были когда-то, особенно обитатели Материка. Кроме того, на самом деле все происходило вовсе не так.

– Почему у тебя слезы? – вдруг спросила она меня.

– Я подумал об изображении на щите Ахиллеса³ и о том, как это ужасно – быть образованным существом. И это не слезы. Это на меня с листьев капает.

– Я сделаю еще кофе.

Пока она возилась, я вымыл чашки и сказал, чтобы она позаботилась об «Идоле» и чтобы поставила корабль в сухой док, если я пришлою за ней. Она пообещала.

Солнце еще выше забралось в небо, и вскоре со двора старого Алдониса, гробовщика, стал доноситься стук молотка. Проснулись цикламены, и в дуновениях бриза долетал с полей их аромат. В небе высоко над головой, словно темное предзнаменование, скользила по направлению к материку летуче-паучья мышь. Я дернулся, чтобы подхватить ствол тридцать шестого калибра да бабахнуть, да посмотреть, как она упадет. Но все известное мне огнестрельное оружие было на борту «Идола», так что я просто проследил, как она скрылась из глаз.

– Говорят, на самом деле их родина не Земля, – сказала Кассандра, глядя вслед, – и что их завезли с Титана для зоопарков и прочих подобных мест.

– Верно.

– ...И что их упустили во время Трех Дней, они одичали и выросли и стали еще больше, чем были там, откуда родом.

– Однажды я видел одну с размахом крыльев в тридцать два фута.

– Брат моего деда как-то рассказывал мне историю, которую он слышал в Афинах, – вспомнила Кассандра, – о человеке, убившем такую же летуче-паучью мышь безо всякого оружия. Она напала на него в доке, где он стоял, в Пирее, и понесла, а он голыми руками сломал ей шею. Они упали в залив с высоты примерно в сто футов. И человек остался жив.

– Это было давно, – вспомнил я, – еще до того как Контора начала кампанию по истреблению этих тварей. Тогда их было много больше и они были посмелее. Теперь они держатся подальше от городов.

– Насколько я помню эту историю, человека звали Константин. Часом, не ты?

– Его звали Карагиозис.

– А ты не Карагиозис?

– Если тебе этого хочется. Только почему?

– Потому что позднее он помог основать в Афинах Возвращенство Редпола. К тому же у тебя очень сильные руки.

– Ты возвращенка?

– Да. А ты?

– Я работаю на Контору. У меня нет политических взглядов.

– Карагиозис бомбил курорты.

– Бомбил.

– Тебе не жаль, что он их бомбил?

– Нет.

– Я действительно мало про тебя знаю.

– Ты про меня знаешь достаточно. Но можешь и спросить. У меня нет тайн, правда... Воздушное такси уже близко.

³ Щит Ахиллеса украшали изображения земли, моря, солнца, месяца, звезд, а также различных сцен из жизни Греции, включая свадьбы, войны, уборку урожая и прочее.

– Я ничего не слышу.

– Услышишь.

Через мгновение оно появилось в небе, скользя вниз к Косу и направляясь на радиомаяк, который я установил в углу патио. Я встал и помог подняться Кассандре, а такси уже опустилось – скиммер Рэдсона: двадцатифутовая скорлупка, вся – прозрачность и зеркальность, плоскодонная, тупоногая.

– Хочешь что-нибудь взять с собой? – спросила она.

– Ты знаешь что, только не могу.

Скиммер сел и плавно открылся сбоку. Пилот в защитных очках повернул голову.

– У меня такое чувство, – сказала она, – что впереди у тебя какая-то опасность.

– Сомневаюсь.

Слава богу, что ни давление, ни осмос не возродят утраченное Адамом ребро.

– До свидания, мой калликанзарос.

И я сел в скиммер и прыгнул в небо, шепча про себя молитву Афродите. Внизу Кассандра махала мне рукой. За спиной солнце натягивало свою световую сеть. Мы неслись на запад. От Коса до Порт-о-Пренса четыре часа лета, серая вода, бледные звезды и я, псих. Только и оставалось, что смотреть на цветные огни...

Холл был битком набит людьми, большая тропическая луна сияла так, будто вот-вот лопнет, а причина, почему я видел и то и другое, заключалась в том, что мне в конце концов удалось завлечь Эллен Эммет на балкон при открытых магнитных дверях.

– Снова из мертвых, – приветствовала она меня, сдержанно улыбаясь. – Год почти прошел, мог бы и послать с Цейлона открытку, здоровья пожелать.

– Ты что, болела?

– Заболеешь тут.

Она была маленькой и, подобно всем, кто ненавидит день, белой под своим полугримом, как сметана. Она напоминала мне совершенную механическую куклу с неисправной начинкой – холодная грация и некая предрасположенность бить людей ногой в челюсть, когда они меньше всего этого ожидают. Копна оранжево-коричневых волос, завязанных в гордиев узел по последней моде, что выводило меня из себя, когда я пытался его развязать – мысленно, конечно; глаза того цвета, что пришелся бы по вкусу очередному богу, на которого пал бы ее выбор именно в этот день, – да, забыл, где-то глубоко-глубоко на дне они всегда голубые. Все, что бы она ни носила, было коричнево-зеленым и весьма просторным, достаточно пару раз выйти в таком наряде, правда, ее это каким-то чудом миновало; а может, она снова беременна, хотя вряд ли.

– Что ж, желаю здоровья, – сказал я, – если ты в нем нуждаешься. Я не занимался Цейлоном. Большую часть времени я был на Средиземном.

Внутри раздались аплодисменты. Просто чудесно, что я снаружи. Исполнители как раз закончили «Маску Деметры», которую Грейб написал пентаметром специально в честь нашего гостя с Веги; вещь была два часа длиной и скверной. Фил – человек жутко образованный и почти лысый и вполне подходит для своей роли, но с того дня, как мы остановили на нем свой выбор, нам пришлось изрядно потрудиться на будущего лауреата. Ему поручили примериться к Рабиндранату Тагору и Крису Изервуду, заняться сочинением устрашающе длинной метафизической эпики, как можно больше разглагольствовать об эпохе Просвещения и ежедневно выполнять на берегу моря дыхательные упражнения. Во всем же остальном он был человеком вполне достойным.

Аплодисменты стихли, и я услышал стеклянное теньканье заигравшей телинстры и ожившие голоса.

Эллен прислонилась спиной к ограде.

- Слышала, что ты вроде как женился недавно.
- Верно, – признался я, – но вроде как поспешил. Почему меня отозвали?
- Спроси у своего босса.
- Спрашивал. Тот говорит, что меня назначают гидом. Однако я хотел бы выяснить – почему? Настоящую причину. Я думаю об этом, но вопросов не меньше, а больше.
- Откуда мне знать?
- Ты знаешь все.
- Ты меня переоцениваешь, дорогой. Какая она из себя?
- Я пожал плечами:
- Возможно, русалка. А что?
- Она пожала плечами:
- Обычное любопытство. А как ты говоришь обо мне людям? С кем сравниваешь?
- Когда я говорю о тебе, то не сравниваю.
- Обижаешь. Должна же я быть на кого-то похожа, если я только не уникам.
- Вот именно, ты уникам.
- Тогда почему ты не взял меня с собой в прошлом году?
- Потому что ты существо социальное и тебе нужен город. Ты можешь быть счастлива только здесь, в Порту.
- Но я не счастлива здесь, в Порту.
- Здесь, в Порту, ты несчастлива меньше, чем в любом другом месте на этой планете.
- Мы могли бы попробовать, – сказала Элен и повернулась ко мне спиной, чтобы посмотреть с откоса на огни видимой отсюда части гавани. – Знаешь, – продолжила она, помолчав, – ты настолько уродлив, что это делает тебя привлекательным. Видимо, так.
- Я остановился рядом, в паре дюймов от ее плеча.
- Знаешь, – голос ее звучал плоско, опустошенно, – ты ночной кошмар с походкой мужчины.
- Я остановил свой порыв, закатившись грудным смехом.
- Знаю. Приятных снов.
- Я повернулся, чтобы уйти, но она поймала меня за рукав.
- погоди!
- Я посмотрел вниз, на ее руку, затем вверх, на ее лицо, затем вниз, на ее руку. Она выпустила рукав.
- Знаешь, я никогда не говорю правду, – сказала она. Затем засмеялась своим коротким ломким смешком. – ...И я подумала, что кое-что тебе следует знать об этой поездке. Здесь Дональд Дос Сантос.
- Дос Сантос? Странно.
- Сейчас он наверху, в библиотеке, вместе с Джорджем и каким-то большим арабом.
- Я посмотрел мимо нее вниз на гавань, где по тускло освещенным улицам двигались тени, похожие на мои мысли, темные и медленные.
- Большой араб? – произнес я наконец. – Руки в шрамах? Желтые глаза? По имени Хасан?
- Да, верно. Ты с ним встречался?
- В прошлом он кое-что сделал для меня, – признал я.
- Так я стоял и улыбался, хотя кровь во мне застыла, – улыбался, потому что не люблю, чтобы люди знали, о чем я думаю.
- Улыбаешься, – проронила Элен. – Интересно, о чем ты думаешь?
- В этом вся она.
- Я думаю, что ты относишься к жизни серьезнее, чем можно было бы предположить.
- Чушь. Я часто тебе говорила, что я ужасная лгунья. Да, буквально секунду назад – я лишь намекала на маленькую стычку в большой войне. И ты прав, что здесь я менее несчаст-

лива, чем в любом другом месте на Земле. Может, ты поговоришь с Джорджем – возьми его на работу на Тайлер или Бакаб. Возьмешь, а?

– Ага, – сказал я. – Всенепременно. Клянусь. Именно так и сделаю. После того, как ты десять лет этим занималась... А что с его коллекцией жуков?

Она изобразила улыбку.

– Растет, прыжками и скачками. А также жужжит и ползает... и некоторые из этих ползучих – радиоактивны. Я ему говорю: «Джордж, завел бы себе женщину, вместо того чтобы тратить все свое время на жуков». Но он только головой трясет, весь такой занятый. Потом я говорю: «Когда-нибудь один из этих уродцев возьмет и укусит тебя и сделает импотентом. Что тогда?» А он объясняет, что такого не может быть, и читает мне лекцию о ядах насекомых. Может, он сам большой жук, замаскировавшийся. Думаю, Джордж испытывает что-то вроде оргазма, наблюдая, как они роятся в этих баночках. Не знаю...

Я повернулся и заглянул в холл, поскольку выражение ее лица изменилось. Услышав смех Эллен, я обернулся к ней и сжал ее плечо.

– О'кей, теперь я знаю больше, чем раньше. Спасибо. Скоро увидимся.

– Мне подождать?

– Нет, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Конрад.

И я ушел.

На то, чтобы пересечь пространство, может потребоваться и время, и обходительность, особенно если там куча народу и все тебя знают, и у всех в руках фужеры, а ты к тому же слегка прихрамываешь.

Куча и была, и все знали, и держали фужеры, и я хромал. Так что...

Позволив себе только самые скромные и неприметные мысли, я отмерил с краю, вдоль стены, как бы по периферии человечества, двадцать шагов, пока не достиг компании юных леди, которых этот старый холостяк всегда держал подле себя. Подбородка у него не было, как, в общем, и губ, волосы повывлезли, и выражение, которое жило когда-то на лице, на этой материи, обтягивающей его череп, давным-давно ушло во тьму глаз и таилось в этих глазах, остановившихся на мне, – улыбка готовности быть неизбежно оскорбленным.

– Фил, – сказал я, кивая, – не каждый напишет такую «Маску». Я слышал разговоры, что это умирающее искусство... Чудовищная ложь!

– Ты еще жив, – произнес он, и голос его был лет на семьдесят моложе, чем все остальное, – и снова опоздал, как обычно.

– Приношу свое искреннее раскаяние. Меня задержали в доме одного старого друга на дне рождения леди, которой сегодня исполнилось семь.

(Что было правдой, хотя и не имеющей отношения к данной истории.)

– У тебя все друзья старые, не правда ли? – спросил он, и это был удар ниже пояса, потому что когда-то я знал его почти забытых ныне родителей и водил их к южной стороне Эрехтейона, чтобы показать им Портик Кариатид, в то время как на моих плечах сидели их яркоглазые отпрыски и я рассказывал ему, Филу, мифы, которые были старыми уже тогда, когда возникли все эти храмы.

– ...Мне нужна твоя помощь, – сказал я, не обращая внимания на этот укол и осторожно прокладывая путь сквозь мягкий и язвительный кружок женщин. – Эдак я всю ночь буду прорываться из холла к Сэндзу, который устраивает прием нашему веганцу, – извиняюсь, мисс, – а у меня нет на это ночи. Простите меня, мэм... Так что я прошу, чтобы ты вмешался.

– Это вы, Номикос! – вздохнула одна маленькая очаровашка, уставившись на мою щеку. – Я всегда хотела...

Я схватил ее руку, прижал к губам, отметив, что ее камешка на перстне наливаясь розовым, произнес: «А ну как отрицательный кисмет⁴, а?» – и выпустил руку.

– Как ты насчет этого? – спросил я Грейба. – Отведи меня туда за минимум времени в своей типичной светской манере, под разговор, который никто не посмеет прервать, о'кей?

Он бесцеремонно кивнул.

– Извиняюсь, дамы, я скоро вернусь.

Мы двинулись наискосок, пробираясь по людским аллеям. Высоко над головой медленно проплывали и поворачивались люстры, как граненые ледяные сателлиты. Телинстра, цивилизованный вариант Эоловой арфы, рассыпала вокруг осколки цветного стекла – мелодию песни. Люди жужжали и роились, точь-в-точь как насекомые Джорджа Эммета, и, стараясь избежать их толчеи, мы переставляли без паузы ногу за ногой и производили собственный шум. Несмотря на тесноту, мы ни на кого не наступили.

Ночь была теплой. Большинство мужчин были одеты в невесомую черную униформу, в которой, согласно протоколу, и гробит себя здесь Личный Состав. На ком ее не было, те к нему не относились.

Неудобные, несмотря на свою легкость, черные костюмы застегиваются по бокам снизу, впереди же, где гладко, слева над грудью находится знак различия – для Земли он четырехцветный: зеленый, голубой, серый и белый, трех дюймов в диаметре; ниже располагается эмблема ведомства вместе с меткой ранга; на правой же стороне собраны благословенные крохи цыплячьего помета – символ, о котором можно только мечтать, так он утверждает тебя в чувстве собственной значимости, – его выдает Контора с богатым воображением под названием Полировка, Ремонт Орденов, Символов, Медалей (коротко ПРО СИМ – первый ее Директор ценит свое место). Ворот костюма имеет склонность после первых десяти минут превращаться в удавку, во всяком случае мой.

Дамы носили или не носили все, что им нравилось, обычно яркое или в придачу с полупастельным (если только не принадлежали к Личному Составу, в таком же случае они были аккуратненько упакованы в черные костюмы с терпимыми воротниками и короткими юбками); все это в общем-то помогает отличать хранителей Земли от хранимых.

– Я слышал, Дос Сантос здесь, – сказал я.

– Значит, здесь.

– А почему?

– По правде говоря, не знаю и знать не хочу.

– Тэк-с, тэк-с... Что стряслось с твоим замечательным чутьем политика? Отдел Литературной Критики обычно награждал тебя за него.

– В мои годы запах смерти с каждой новой встречей становится все тревожней.

– Разве Дос Сантос пахнет?

– Скорее смердит.

– Я слышал, что он нанял нашего бывшего партнера – по тому давнему Мадагаскарскому делу.

Фил вскинул голову и стрельнул в меня вопрошающим взглядом.

– Быстро до тебя доходят новости. Впрочем, ты друг Эллен... Да, Хасан здесь. Он наверху с Доном.

– Кого же это он на сей раз собирает избавить от груза кармы?⁵

– Еще раз говорю: не знаю и знать ничего не желаю.

– А может, рискнешь прикинуть?

– Наверяд ли.

⁴ *Кисмет* (тур.) – рок, судьба, предопределение.

⁵ То есть убить. «Карма» на санскрите означает закон причинности, судьба.

Мы вошли в кое-как засаженную деревьями секцию зала, и я задержался, чтобы прихватить спиртного с глубокого подноса – больше не было мочи смотреть, как он плывет над головой; кончилось тем, что я надавил на желудь, свисавший на собственном хвостике. При сем поднос послушно опустился, весь как сама улыбка⁶, и явил мне сокровища своего морозного нутра.

- О радость! Купить тебе выпить, Фил?
- Я думал, ты спешишь.
- Спешу, но мне нужно осмыслить ситуацию.
- Что ж, прекрасно. Полукоку, пожалуйста.

Я покосился на него и передал ему сей напиток. Затем, когда он отвернулся, я проследил за его взглядом туда, где стояли легкие удобные кресла, занимавшие нишу, образованную двумя сторонами северо-восточного угла комнаты и корпусом телинстры с третьей стороны. На телинстре играла пожилая леди с мечтательными глазами. Земной Директор Лоурел Сэндз пыхтел своей трубкой...

Да, эта трубка – одна из самых интересных достопримечательностей личности Лоурела. Подлинный Меершаум⁷, а в мире их осталось не так уж много. Что же до остального, то директор функционирует скорее как антикомпьютер: ты потчешь его самыми разными фактами, собранными по крупице, цифрами, статистикой, а он превращает все это в помойку. Глубокий взгляд и манера говорить медленно и громко, не сводя с тебя темных глаз; жестикуляцию себе не позволяет, в крайнем случае – очень взвешенную, тогда он широкой правой лапой пилит воздух или же тыкает воображаемых дам своей трубкой; виски седые, но над ними волос еще темен, скулы высокие, цветом лица он как раз для своих твидов (черных костюмов Сэндз старательно избегает), притом он постоянно пытается выдвинуть челюсть хотя бы на дюйм подальше и повыше, чем это представляется возможным. Он здесь политический представитель Земного Правительства на Тайлере и к своей работе относится вполне серьезно, доходя в служебном рвении даже до того, что периодически предпринимает атаки на моральные язвы общества. На Земле он не самый умный человек. Он мой босс. Он также один из близких моих друзей.

Возле него сидел Корт Миштиго. Я чуть ли не кожей осязал, как Фил его ненавидит – начиная от бледно-голубых подошв его шестипалых ступней и кончая полоской розовой краски – знаком принадлежности к высшей расе, – тянувшейся по его волосам от виска к виску. Ненавидит не столько потому, что он это он, а потому, как я был уверен, что Корт ближайший наличествующий родственник – внук – Татрама Иштиго, который еще сорок лет тому назад наглядно продемонстрировал, что величайший из нынешних англоязычных писателей – веганец. Сей пожилой господин на том и стоит до сих пор, и я не уверен, что Фил когда-нибудь простит его за это.

Краем глаза (того, что голубой) я видел, как по большой нарядной лестнице на другом конце зала поднимается Элен. Краем другого глаза я видел, что Лоурел смотрит в мою сторону.

– Меня засекли, – сказал я, – надо пойти выразить свое уважение этому Уильяму Сибруку с Тайлера. Пойдешь со мной?

- М-м... Прекрасно, – кивнул Фил. – Страдание полезно для души.

Мы двинулись к нише и остановились перед двумя стульями, между музыкой и шумом, там, где вся власть и пребывала. Лоурел медленно встал и пожал нам руки. Миштиго встал еще медленней и руки не протянул; пока мы представлялись, он пялился на нас янтарными глазами, и лицо его ничего не выражало. Свободно болтающаяся оранжевая рубашка трепетала каждый раз, когда он подкачивал легкие, которые делали лишь непрерывный выдох из

⁶ В США «улыбкой» называют порцию алкоголя, особенно виски.

⁷ Курительная трубка с чубуком из особого материала.

наружных ноздрей у начала широкой грудной клетки. Он коротко кивнул, повторив мое имя. Затем с чем-то вроде улыбки повернулся к Филу.

– Вы не будете возражать против того, чтобы я перевел вашу «Маску» на английский? – спросил он, и голос его прозвучал высоко и с дрожью, как замирающий камертон.

Фил развернулся на каблуках и зашагал прочь. Мне показалось, что веганцу на секунду стало плохо, но затем я вспомнил, что это веганский смех, – что-то вроде козлиного бляенья. Я стараюсь держаться подальше от веганцев, избегая их курорты.

– Присаживайся, – предложил Лоурел. Он хоть и прятался за свою трубку, но выглядел не очень-то ловко.

Я приволок кресло и устроился наискосок от них.

– О'кей.

– Корт собирается написать книгу.

– Ты уже говорил.

– О Земле.

Я кивнул.

– Он выразил пожелание, чтобы ты был его гидом в поездке по ряду Старых Мест...

– Почту за честь, – довольно холодно произнес я. – Также любопытно узнать: почему его выбор пал на меня?

– Еще более любопытно, откуда он может знать про вас, так? – спросил веганец.

– Пожалуй, – согласился я, – процентов эдак на двести.

– Я запросил машину.

– Славно. Теперь понял.

Я откинулся на спинку кресла и допил, что у меня было.

– Я начал с проверки Реестра Жизнеобъектов на Земле, еще когда только задумал этот проект, – просто ради исходных данных о человечестве. Затем, раскопав интересную тему, сунулся в Фонд Земных Сотрудников...

– М-да, – пробурчал я.

– И на меня произвело впечатление скорее то, что они не сказали о вас, чем то, что сказали.

Я пожал плечами.

– В вашей карьере много пробелов. Даже теперь никто толком не знает, чем вы занимаетесь большую часть времени... Между прочим, когда вы родились?

– Понятия не имею. Это было в крошечной греческой деревушке, а в те времена обходились без календарей. Хотя мне говорили, что в Рождество.

– Согласно вашей личной карточке, вам семьдесят семь лет. Согласно Жизнеобъектам, вам то ли сто одиннадцать, то ли сто тридцать.

– Я привирал насчет возраста, чтобы получить работу. Тогда была Депрессия.

– Так что я сделал профиль Номикоса, который в общем-то весьма своеобразен, и запустил Жизнеобъекты выуживать физические аналоги с допуском до одной тысячной – во всех банках данных, включая закрытые.

– Что ж, один коллекционирует старые монеты, другие строят модели ракет.

– Я обнаружил, что вы – это, возможно, три или четыре других человека, все греки, а один из них и вправду личность поразительная. Но вы, конечно, Константин Коронес, старший из них, родились двести тридцать четыре года тому назад. В Рождество. Голубой глаз, карий глаз. Правая нога искалечена. Та же линия волос, что и в двадцать три года. Тот же рост, те же градации по Бертильону.⁸

– И те же отпечатки пальцев? И те же образцы глазной сетчатки?

⁸ Бертильон, Альфонс (1853–1914) – французский юрист, антрополог, автор системы судебной идентификации.

– Это не включалось в большую часть старых регистрационных карточек. Может, в те дни работали небрежней?

– Вы отдаёте себе отчет, что сейчас на этой планете живет около четырех миллионов человек? А если еще покопаться в прошлом, три-четыре века назад, то смею сказать, что даже на меньшую публику вы найдете и двойняшек, и тройняшек. Так что с того?

– Это придает вам некий ореол загадочности, вот и все, как и этому месту, – и вы такая же любопытная руина, как и само это место. Вполне вероятно, что я никогда не доживу до вашего возраста, сколько бы вам ни было, и мне хотелось выяснить, какого же рода восприимчивость могло развить человеческое существо, которому дадено столько времени, – особенно если учесть ваше положение, ведь вы дока в истории и искусстве этого мира. Потому я и попросил вас об услуге, – заключил он.

– А коль скоро вы уже встретились со мной, руиной и прочее, можно мне домой?

– Конрад! – атаковала меня трубка.

– Нельзя, мистер Номикос. Есть ведь и практические соображения. Здешний мир груб и жесток, а у вас высокая потенция выживания. Я хочу, чтобы вы были рядом, потому что я хочу выжить.

Я снова пожал плечами.

– Ладно, решено. Что еще?

Миштиго заблеял:

– Полагаю, я вам не нравлюсь.

– Кто вам это внушил? Только потому, что вы оскорбили моего друга, задавали мне нелепые вопросы, по собственной прихоти втянули меня в свои дела...

– И эксплуатировал ваших сограждан, превратил ваш мир в публичный дом, показал вопиющую провинциальность человеческой расы в сравнении с галактической культурой, которая старше на целые эры...

– Я не говорю о расах – моей и вашей. Я говорю о личном. И повторяю, что вы оскорбили моего друга, задавали мне нелепые вопросы, по собственной прихоти втянули меня в свои дела.

– Да мне, – по-козлиному фыркнул он, – начхать на эту троицу! Чтобы этот тип пиитствовал для человеческой расы? Да это оскорбление теней Данте и Гомера!

– На сей момент никого лучше у нас нет.

– Ну так обошлись бы и вовсе без него.

– Это не повод поступать с ним так, как вы себе позволили.

– Думаю, что повод, иначе бы я себе этого не позволил... Второе, я задавал те вопросы, которые у меня задавались, вы вольны были отвечать или не отвечать, как вам заблагорассудится. Так вы и поступили... Наконец, никто ни во что вас не втягивал. Вы гражданский служащий. Вы получили задание. Спорьте со своей Конторой, а не со мной... И, в порядке послесловия, – я сомневаюсь, что у вас на руках достаточно оснований, чтобы с такой легкостью использовать слово «прихоть».

– Отлично! Раз так, то считайте свою невоспитанность прямокой или даже продуктом другой культуры, оправдывайте свою наглость софизмами и послесловье обо всем, чего только душа пожелает. Можете выложить все свои заблуждения на мой счет, но тогда и я скажу, что я о вас думаю. Вы корчите из себя Представителя Короля в Колонии Его Короны, – выдал я, нажимая на заглавные буквы, – и мне это не нравится. Я прочел все ваши книги. Я также прочел кое-что, написанное вашим дедушкой, – скажем, «Плач Земной проститутки». Таким, как он, вы никогда не будете. У него есть то, что называется сострадание. У вас этого нет. Что бы вы ни испытывали по отношению к старому Филу, это лишь вдвойне работает против вас.

Тот пассаж о дедушке, должно быть, задел его за живое, поскольку Миштиго передернуло, когда мой голубой глаз вонзился в него.

– Так что поцелуйте мой локоть, – сказал я по-вегански.

Сэндз не так хорошо говорил по-вегански, чтобы уловить эту фразу, но он тут же примирительно зашумел, оглянувшись, дабы удостовериться, что нас не подслушивают.

– Конрад, пожалуйста, разыщи свое профессиональное отношение к делу и водрузи его на место... Шрин Штиго, почему бы нам не заняться разработкой плана?

Миштиго улыбнулся своей зелено-голубой улыбкой.

– И свести наши противоречия до минимума? – спросил он. – Согласен.

– Тогда давайте перейдем в библиотеку – там спокойнее и есть экран с картой.

– Прекрасно.

Я почувствовал себя немного уверенней, когда мы встали, поскольку наверху был Дон Дос Сантос, а он ненавидит веганцев, а где бы ни был Дон Сантос, там всегда Диана, девушка в Красном Париже, а она ненавидит всех; и я знал также, что наверху Джордж Эммет и Эллен, а Джорджу незнакомцы до лампочки (как, впрочем, и друзья); может, позже забредет и Фил и пойдет в атаку на Форт Самтер⁹; к тому же там был Хасан – а он не из разговорчивых, он просто сидит и покуливает свою марихуану, непроницаемый, как вещь в себе, и если постоять с ним рядом и сделать пару глубоких затяжек, то станет абсолютно все равно, какую там чертовщину ты нес веганцам или кому еще.

Я еще надеялся, что у Хасана отшибло память или что последняя витает где-нибудь в облаках. Но надежда эта умерла, едва мы вошли в библиотеку. Он сидел очень прямо и потягивал лимонад. То ли восьмидесяти, то ли девяноста лет от роду, выглядел Хасан на сорок, однако, когда он был в деле, ему можно было дать и тридцать. Пилули Животворный Самсер нашли в его лице исключительно благодарный материал. Такое бывает не часто. А если уж точно, то – почти никогда. Одних они без всякой видимой причины повергают в ускоренный анафилактический шок, и даже атомная доза адреналина в сердечную мышцу не вернет их обратно; других, и таких большинство, они затормаживают на пять-шесть десятилетий. Но есть редкие особи, которые, приняв несколько серий пилуль, молодеют, – такие попадают раз на сто тысяч.

«Как странно, – подумал я, – что в большом тире судьбы этому малому суждено было выбить столько очков».

Прошло уже больше пятидесяти лет с того Мадагаскарского дела, к которому Редпол привлек Хасана, чтобы кровной мстью отомстить тайлеритам. Он был на содержании у большого К. в Афинах (да почиет тот в мире и спокойствии) – К. и послал его покончить с Компанией Недвижимости Земного Правительства.

Сделал. И хорошо. С помощью одного крошечного ядерного устройства. Сила! Вот как надо обновлять города. Прозванный Кучкой Хасан-Убийца, он последний профессиональный наемник на Земле.

Кроме того, не считая Фила (который далеко не всегда был обладателем шпаги без клинка и эфеса), Хасан был одним из представителей Малой Кучки, где еще помнили старый Карагиоз.

Итак, выдвинув вперед челюсть и выставив напоказ свой грибок, я попытался запудрить ему мозги своим обликом. Однако или там действовали какие-то древние и таинственные силы, в чем я лично сомневался, или он оказался покруче, чем я предполагал, что вполне возможно, или он забыл мое лицо, что хотя и вполне возможно, но скорее – сомнительно, или же он просто демонстрировал профессиональный этикет, если не низкое животное коварство, – и профессионализм, и животное были одинаково присущи ему, хотя акцент все-таки смещался в сторону животного, – но только он и бровью не повел, когда нас представили друг другу.

⁹ С атаки конфедератов на Форт Самтер в Южной Каролине 12–13 апреля 1861 г. началась Гражданская война северных и южных штатов Америки.

– Хасан, мой телохранитель, – сказал Дос Сантос, ослепляя своей улыбкой, словно вспышкой магния, когда я тряс руку, которая однажды, так сказать, потрясла весь мир¹⁰. Это была еще очень сильная рука.

– Конрад Номикос, – сказал Хасан, прищуриваясь, как будто вычитывая это имя из свитка.

Всех остальных в этом помещении я знал, поэтому поспешил занять кресло подальше от Хасана. На всякий случай я держал фужер со второй порцией алкоголя поближе к лицу.

Диана, обладательница Красного Парика, стояла неподалеку.

– Доброе утро, мистер Номикос, – сказала она.

Я качнул фужером в знак приветствия:

– Добрый вечер, Диана.

Высокая, гибкая, почти вся в белом, она торчала возле Дос Сантоса, как свечка. Я знал, что на ней парик, поскольку мне доводилось видеть, как он случайно соскальзывал, приоткрывая любопытный и некрасивый шрам, который она обычно прятала, низко надвигая парик. Бывало, вставая на якорь и созерцая созвездия, тут и там выглядывавшие из-за облаков, или откапывая поврежденные статуи, я себя спрашивал, что это за шрам. Думаю, что ее пурпурные губы татуированы, – я никогда не видел на них улыбку; на скулах играют желваки, потому что зубы ее всегда сжаты; и из-за всей этой суровости брови ее делаются домиком; маленький подбородок высоко поднят – признак ли это непокорности? Когда она говорит – напряженно, отрывисто, – то едва шевелит губами. Трудно сообразить, сколько ей лет. В общем, больше тридцати.

Они с Доном представляют собой интересную пару. Он смуглый, словоохотливый, постоянно курит и больше двух минут не может оставаться на месте. Она выше его почти на пять дюймов, загорается без спички. Всей ее истории я так и не знаю. Чувствую, что не узнаю никогда.

Пока Лоурел представлял Корта Дос Сантосу, она подошла и встала возле моего кресла.

– Ты... – промолвила она.

– Я... – кивнул я.

– Возглавишь эту поездку.

– Все знают о ней, кроме меня, – сказал я. – Хоть бы поделились со мной толикой знаний на сей предмет.

– Каких знаний, на какой предмет? – спросила она.

– Ты изъясняешься вроде Филадельфия.

– И не собиралась.

– Но так получается. Так в чем дело?

– В чем что?

– Ты. Дон. Здесь. Вечером. С чего бы все это?

Она коснулась кончиком языка верхней губы, затем прижала его сильнее, словно пытаюсь выдавить из него виноградный сок или попридержать слова. Затем глянула в сторону Дона, но он был слишком далеко, чтобы услышать, к тому же не смотрел на нас. Он был занят тем, что наливал Миштиго настоящей Коки из кувшина, что стоял в услужливом глубоком подносе. Рецепт Коки был, согласно веганцам, археологической находкой века, его утратили во время Трех Дней и восстановили лишь лет десять назад или около того. Повсюду было множество самых разных полукочек, но ни одна из них не оказывала такого воздействия на веганский обмен веществ, как подлинная Кока. «Второй вклад Земли в галактическую культуру», – как назвал это событие один из их современных историков.

¹⁰ Намек на книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир».

Первым вкладом, конечно, считается великолепная социальная проблема, из тех новоявленных, которых усталые веганские философы ждали много поколений.¹¹

Диана снова обернулась ко мне.

– Пока не знаю, – сказала она. – Спроси Дона.

– Спрошу.

Я, конечно, спросил. Однако позднее. И не был разочарован, поскольку ничего особенного и не ожидал. Но, когда я, сидя в кресле, изо всех сил старался что-нибудь подслушать, передо мной внезапно возник некий визуальный образ – один психолог некогда в разговоре со мной определил его как псевдотелепатическое исполнение желаний. Вот как это бывает.

Я хочу узнать о том, что происходит где-то. У меня, в общем, достаточно информации, чтобы догадаться. Следовательно, я догадываюсь. Только это происходит так, будто я вижу и слышу глазами и ушами одного из участников действия. Хотя не думаю, что это настоящая телепатия, поскольку иногда она бывает и ложной. При том, что кажется абсолютно реальной.

Этот психолог мог объяснить мне все, кроме самой причины подобного явления. Согласно которому я стоял посреди комнаты, глядел на Миштиго, был Дос Сантосом и говорил: – ...рядом для вашей защиты. Не как Секретарь Редпола, а просто как частный гражданин.

– Я не искал вашей защиты, – отвечивал веганец, – тем не менее благодарю. Я приму ваше предложение, чтобы избежать смерти от рук ваших друзей. – Сказав это, он улыбнулся. – Если она им понадобится во время моих поездок. Я сомневаюсь, что понадобится, но было бы глупо отказываться от щита Дос Сантоса.

– Мудрая мысль, – промолвили мы, слегка склонив голову.

– Вполне, – согласился Корт. – А теперь скажите мне, – кивнул он в сторону Эллен, которая только что перестала спорить с Джорджем и уходила от него решительными шагами, – кто это?

– Эллен Эммет, жена Джорджа Эммета, Директора Отдела Охраны Природы.

– Сколько она стоит?

– Не помню, чтобы в последнее время она называла цену.

– Ну а раньше-то какая была цена?

– И раньше не было.

– Все на Земле имеет цену.

– В таком случае, полагаю, вам следует самому выяснить.

– Обязательно, – сказал он.

Земные женщины всегда испытывали странную тягу к веганцам. Однажды какой-то веганка сказала мне, что с ними он себя чувствует зоофилом, то бишь любителем животных. Что само по себе интересно, поскольку одна славная девица на курорте Кот Дор, хихикая, рассказывала мне, что с веганцами она себя чувствует zoophilist. Видимо, те воздушные сопла то ли щекочут, то ли еще что, и в обоих будят животного.

– Кстати, – сказали мы, – вы еще не перестали бить свою жену?

– Которую? – поинтересовался Миштиго.

Изображение потухло, и я снова оказался в своем кресле.

– ...И что, – спрашивал Джордж Эммет, – ты об этом думаешь?

Я уставился на него. Еще секунду назад его здесь не было. Возникнув внезапно, он уселся на широкий подлокотник моего кресла.

– Повтори, пожалуйста. Я дремал.

– Ты спишь, а мы победили летуче-паучью мышь. Что ты об этом думаешь?

¹¹ То есть проституция.

– Что она рифмуется, – заметил я. – Так расскажи, как это мы победили летуче-паучью мышь?

Но он уже смеялся. Он из тех субъектов, у кого смех – вещь непредсказуемая. Джордж может целыми днями слоняться вокруг с кислой миной, а затем заржать по пустяковому поводу. Когда он смеется, то вроде как задыхается, словно ребенок, и этому впечатлению явно способствуют жиденькие его волосики и дряблость розоватого тела. Поэтому я ждал, пока он успокоится. К тому времени Эллен уже вылила на Лоурела все свои оскорбления, а Диана повернулась к книжным полкам, чтобы почитать названия книг. Наконец, переведя дух, он доверительно бормотнул:

– Я вывел новую породу *слишей*.

– Вот это да! Потрясающе!

После чего я осторожно спросил:

– А что это такое – слиши?

– Слиш – это бакабианский паразит, вроде большого клеща. Мои – длиной около трех восьмых дюйма, – сказал он гордо, – они внедряются глубоко в плоть и производят сильно ядовитые продукты отхода.

– Смертоносные?

– Мои – да.

– Не одолжишь ли мне одного? – спросил я.

– Зачем?

– Я хочу сунуть его кому-нибудь за шиворот. А если подумать, то хорошо бы сразу пару дюжин. У меня слишком много друзей.

– Мои людей не трогают, только летуче-паучьих мышей. Людей они отличают. Скорее это люди могут отравить моих слишей. – Он произнес «моих слишей» как настоящий собственник. – Их хозяин должен иметь в основе метаболизма не железо, а медь, – пояснил он, – а летуче-паучьи мышши попадают под эту категорию. Вот почему я хочу отправиться с тобой в это путешествие.

– Ты хочешь, чтобы я нашел летуче-паучью мышь и подержал бы ее, пока ты будешь грузить на нее своих слишей?

– Ну, я действительно хотел бы занять парочку летуче-паучьих – всех своих я уже израсходовал в прошлом месяце... но теперь я уже твердо уверен, что слиши сработают. Я хочу пойти дальше и вызвать чуму.

– Какую чуму?

– Мышиную... Слиши размножаются в земных условиях довольно быстро, если им дать подходящего носителя, а запусти их в нужное время года, и они будут исключительно инфекционными. Я имею в виду ближайший брачный период юго-западной летуче-паучьей мышши. Он начинается через шесть-восемь недель на территории Калифорнии, в Старом Месте – хотя больше и не Главном – под названием Капистрано. Я понимаю, путешествие не позволит тебе быть там в это время. Когда же летуче-паучьи мышши возвратятся в Капистрано, я хочу дожидаться их там с моими слишами. Я готов и отпуск потратить.

– Хм, хм... Ты советовался с Лоурелом?

– Конечно, и он считает, что это прекрасная идея. Он даже хочет встретиться там с нами и сделать снимки. Не так уж много возможностей их увидеть – как они все небо закрывают своими крыльями, как гнездятся на руинах, как едят диких свиней, роняя на улицы зеленый помет... Знаешь, довольно красивое зрелище.

– У-у-у, что-то вроде Хэллоуина. А что будет со всеми теми дикими свиньями, если мы уничтожим летуче-паучьих мышей?

– О, их станет гораздо больше. Но я полагаю, что пумы не дадут им развестись, как австралийским кроликам. Во всяком случае, лучше иметь свиней, чем летуче-паучьих мышей. Согласен?

– Я не очень люблю ни тех, ни других, но если уж выбирать, то я бы все же предпочел свиней. Так что полный порядок, можешь ехать с нами.

– Спасибо, – сказал Джордж, – я был уверен, что ты поможешь.

– Не стоит благодарности.

Тут Лоурел вежливо прокашлялся, как бы извиняясь перед нами. Он стоял посредине библиотеки, возле большого стола, перед которым медленно опускался широкий экран. Экран был голографический, так что никому не надо было искать местечка поудобней. Лоурел нажал на кнопку в столе сбоку, и свет в комнате пошел на убыль.

– Хм, я хочу показать несколько карт, – сказал он, – если только найду этот самый синхронизатор... Ах да, вот он.

На экране в пастельных тонах появилась верхняя часть Африки и почти все средиземноморские страны.

– С этой начнем? – спросил Миштиго.

– Почему бы и не с этой, – сказал большой веганец, прерывая приглушенный разговор с Эллен, которую он уволок в уголок французской истории под бюст Вольтера.

Света стало еще меньше, и Миштиго двинулся к столу. Он глянул на карту, а затем на всех вместе и ни на кого в отдельности.

– Я хочу посетить некоторые ключевые точки, которые по тем или иным причинам имеют важное значение в истории вашего мира, – сказал он. – Я бы хотел начать с Египта, Греции и Рима. Затем двинуть быстренько через Мадрид, Париж и Лондон. – По мере того как веганец говорил, карты сменяли друг друга – не спеша, но и не отставая от него. – Затем я хочу повернуть на Берлин, попасть в Брюссель, посетить Санкт-Петербург и Москву, прыгнуть назад через Атлантику и сделать остановки в Бостоне, Нью-Йорке, штат Колумбия, и Чикаго (названия эти уже вогнали Лоурела в пот), затем наведаться на Юкатан и махнуть на территорию Калифорнии.

– Именно в такой вот очередности? – спросил я.

– Почти.

– А чем, в таком случае, провинилась Индия, Средний Восток или Дальний? – узнал я голос Фила. Он вошел уже после того, как библиотека почти погрузилась во тьму.

– Ничем. Если не считать грязь, песок и жару и что там нет ничего того, что мне нужно.

– А что вам нужно?

– Хоть какая-нибудь история.

– Какая именно?

– Одну я вам пришлю, со своим автографом.

– Благодарю.

– К вашим услугам.

– Когда хотите отправиться? – спросил я его.

– Послезавтра.

– О'кей.

– Специально для вас я приготовил подробные карты со спецификой мест. Лоурел говорит, что они были сегодня во второй половине дня доставлены в вашу Контору.

– Еще раз о'кей. Но есть вещи, о которых вы, возможно, далеко не полностью информированы. Это касается того обстоятельства, что все места, которые вы пока упомянули, – материковые. В настоящем мы, по преимуществу, островная культура, и на то есть весомые причины. Во время Трех Дней материк здорово пропитался, и большая часть названных вами

мест до сих пор относится к довольно-таки горючим. Однако это не единственная причина, по которой их считают небезопасными...

– Я не профан в вашей истории, – прервал меня Миштиго, – и отдаю себе отчет в необходимости радиационной защиты. Равно как информирован и о наличии в Старых Местах разнообразных живых организмов-мутантов. Да, это вызывает у меня озабоченность, но никак не тревогу.

Я пожал плечами в искусственном полумраке.

– Для меня лично все о'кей.

– Хорошо. – Он сделал еще глоток Коки. – Тогда добавьте немного света, Лоурел.

– Слушаюсь, Шрин.

Снова стало светло.

Когда экран за его спиной ушел вверх, Миштиго спросил меня:

– Это правда, что вы знакомы с некоторыми *tambos*¹² и туземцами тут же, в Порту?

– Почему бы нет, – сказал я. – А что?

Веганец приблизился к моему креслу.

– Насколько я понимаю, – живо сказал он, – эти *вуду*, или *воду*¹³, почти не изменились с древних времен.

– Возможно. Меня тут не было, когда они возникли, так что не могу судить наверняка.

– Насколько я понимаю, этим местным не очень-то нравится присутствие чужаков...

– И это верно. Но если поискать подходящий поселок и заявиться туда с подарками, то для вас устроят целое представление.

– Я бы предпочел быть свидетелем подлинных ритуалов. Если бы меня сводил туда кто-нибудь, кого жители не считают чужаком, то я бы заполучил первоисточник.

– Зачем это вам? Нездоровое любопытство к языческим обрядам?

– Нет. Я занимаюсь сравнительным изучением религий.

Я внимательно посмотрел ему в лицо, но ничего там не вычитал.

Не так давно я навещал Маму Джули и Папу Джо и прочих, и сам поселок был недалеко, но я не знал, как они отнесутся к тому, что я приведу с собой веганца. Если я приводил людей, они, естественно, никогда не возражали.

– В общем... – начал я.

– Мне хотя бы глянуть одним глазком, – сказал он. – Я буду держаться в тени. Они даже не узнают, что я там.

Я еще что-то промямлил и в конце концов сдался. Я неплохо знал Маму Джули и не усмотрел никакой реальной опасности для нас. Поэтому сказал:

– О'кей. Я вас отведу в одно такое местечко. Вечером, если не возражаете.

Он кивнул, поблагодарил меня и пошел за очередной Кокой. Джордж, так и не слезавший с подлокотника моего кресла, близко наклонился ко мне и заметил, что было бы очень интересно препарировать веганца. Я с ним согласился.

Миштиго вернулся с Дос Сантосом.

– Это правда, что вы берете мистера Миштиго на языческую церемонию? – спросил тот. Его ноздри раздувались от возмущения.

– Правда, – сказал я. – Беру.

– Без личного телохранителя нельзя.

Я повернул руки ладонями вверх.

– Обойдемся.

¹² *Mambo* – местный танец гаитянского происхождения. Возможно, герой так пренебрежительно именуется местными жителями.

¹³ *Вуду, водун* – политеистическая религия, распространенная преимущественно среди негров Вест-Индии, сочетающая в себе традиционные элементы африканских культов и элементы, заимствованные из католицизма.

– Я и Хасан будем вас сопровождать.

Я уже готов был возразить, когда между ними вклинилась Эллен.

– Я тоже хочу с вами, – сказала она. – Я никогда там не была.

Я пожал плечами. Если идет Дос Сантос, то пойдет и Диана, что делает нашу компанию довольно многолюдной. Одним больше, одним меньше – какая разница. Все рухнуло, еще не начавшись. Так что я сказал:

– Почему бы нет?

Поселок располагался в пределах гавани, возможно, потому, что он возник в честь Агве Войо¹⁴, бога моря. Однако скорее всего потому, что люди Мама Джули всегда были людьми гавани. Бог Агве Войо – не из ревнивых, так что на стенах в ярких красках запечатлено великое множество других языческих божеств. Дальше по острову есть поселения и поустроенней, но они носят более коммерческий характер.

Большая великолепная лодка Агве, выкрашенная в голубой, оранжевый, зеленый, желтый и черный цвета, казалась для моря непригодной. Малиновый Дамбалла Вedo кольцами извивался во всю длину противоположной стены. Папа Джо ритмично постукивал в несколько больших тамтамов – он был в глубине помещения, правее единственной двери, в которую мы вошли.

Разнообразные христианские святые с непостижимым выражением взирали на пеструю геральдику, могильные кресты, флаги, мачете и дорожные знаки, что покрывали каждый дюйм стен; застыв в послеураганном сюрреализме благодаря ослепительным краскам с планеты Титан – один бог знает, одобряли они это или нет, – святые смотрели сверху вниз из дешевых своих рамок, будто те были окнами в некий враждебный мир.

Маленький алтарь был завален пузырьками из-под алкогольных напитков, бутылками из тыквы, священными сосудами для духов-лоа, амулетами, курительными трубками, флажками, фотоснимками неизвестных подводных существ; среди прочего лежала и пачка сигарет для Папы Легбы¹⁵.

Когда нас привел сюда юный туземец по имени Луис, служба была уже в разгаре. Помещение было метров восемь в длину и пять в ширину, с высоким потолком и грязным полом. Вокруг столба в центре медленно и важно двигались танцоры. Их темная плоть мерцала в тусклом свете древних керосиновых ламп. С нашим приходом в помещении стало тесно.

Мама Джули с улыбкой взяла мою руку. Она отвела меня к алтарю и сказала:

– Эрзули была добра.

Я кивнул.

– Ты ей нравишься, Номико. Ты долго живешь, много путешествуешь и возвращаешься.

– Всегда, – сказал я.

– А те вон люди? – Темные ее глаза блеснули в сторону моих спутников.

– Друзья. Они не будут докучать.

Она засмеялась, когда я это сказал. Я тоже.

– Я их спрячу подальше, если ты позволишь нам остаться. Мы постоим в тени по углам комнаты. Если хочешь, чтобы я их увел, я уведу. Вижу, вы уже много танцевали, много бутылок опустошили...

– Оставайтесь, – сказала она. – Как-нибудь приходи днем поболтать.

– Приду.

Затем она отошла, и для нее освободили место в круге танцующих. Довольно крупная, хотя и с тоненьким голосом, она двигалась как огромная резиновая кукла, но не без грации, делая шажки под монотонный гром тамтамов Папы Джо. Через какое-то время эти звуки запол-

¹⁴ *Агве Войо* – в дагомейской мифологии: глава пантеона божеств моря.

¹⁵ *Легба* – в дагомейской мифологии: верховное божество.

нили собою все вокруг – мою голову, землю, воздух, – возможно, такими казались удары сердца кита наполовину переваренному Ионе¹⁶. Я следил за танцорами. И я следил за теми, кто следил за танцорами.

Я выпил пинту рома в надежде догнать остальных, но не догнал. Миштиго продолжал потягивать Коку из бутылки, которую он прихватил с собой. Никто не заметил, что он голубой, но мы явились довольно поздно, и все шло своим чередом, так, как и положено.

Красный Парик стояла в углу, и вид у нее был презрительный и испуганный. Она прижимала к себе бутылку, но и всего-то. Миштиго прижимал к себе Эллен, но и всего-то. Дос Сантос стоял возле двери и следил за всеми – даже за мной. Хасан, присевший у стены, справа от двери, курил маленькую трубку с длинным чубуком. Вид у него был мирный и спокойный.

Мама Джули, насколько я понял, начала петь. Остальные голоса подхватили песню:

Para Legba, ouvri baye! Para Legba, attibon Legba, ouvri baye pou pou passe! Para Legba...¹⁷

Так все шло, и шло, и шло. Меня охватила дремота. Я пил ром, и жажда усиливалась, и я пил ром.

Не знаю, сколько уже мы там околачивались, когда это случилось. Танцоры целовали ритуальный столб и пели, и гремели погремушками из тыквы, и разливали вокруг воду, и парочка туземцев вела себя как ненормальная и болтала что-то бессвязное, и жертвенное блюдо на полу превратилось в кашу, и воздух был полон дыма, и я стоял, привалившись к стене, и, полагаю, с минуту или две глаза мои были закрыты.

Звук этот раздался оттуда, откуда я его и не ждал.

Вопил Хасан.

Долгий его то ли вопль, то ли стон вернул меня в реальность, ошеломил, лишил равновесия, так что я тяжело ударился о стену. Тамтамы продолжали стучать так же ровно, без сбоев. Однако некоторые из танцоров остановились, озираясь.

Хасан уже встал на ноги. Зубы его были оскалены, глаза как щелки, лицо его в блеске пота пошло от напряжения горами и долинами.

Борода его была как огневой удар наконечника копья.

Одежда его, зацепившись за какие-то настенные украшения, была как черные крылья.

Руки его, гипнотически медленно шевелясь, душили кого-то невидимого.

Звериный рык вырывался из его глотки.

Он продолжал давить кого-то невидимого.

В конце концов удавил, и руки его пружинно разомкнулись.

Тут же возле него возник Дос Сантос, стал что-то говорить, но они обитали в разных мирах.

Один из танцоров принялся тихонько стенать. К нему присоединился другой, затем все остальные.

Мама Джули отделилась от круга и пошла ко мне – как раз в тот момент, когда Хасан начал все по новой, на сей раз с большим артистизмом.

Тамтам продолжал излагать свой равномерный земной танец.

Папа Джо даже глаз не поднял.

– Плохой знак, – сказала Мама Джули. – Что ты знаешь об этом человеке?

– Много чего, – ответил я, усилием воли очищая свои мозги.

– Ангелсу.

– Что?

¹⁶ Иона – ветхозаветный пророк, в течение трех дней пребывавший в чреве кита.

¹⁷ Текст на так называемом гаитянском креольском языке, сформировавшемся на базе французского языка с заимствованиями из языков Африки, индейских диалектов, английского и испанского языков.

– Ангелсу, – повторила она. – Бог тьмы, которого надо бояться. Ангелсу вселился в твоего друга.

– Объясни, если можешь.

– Он редко приходит в наше селение. Он здесь нежеланный гость. Те, в кого он вселяется, становятся убийцами.

– Думаю, Хасан просто попробовал новую курительную смесь – мутантную амброзию или еще что-нибудь.

– Ангелсу, – снова сказала она. – Твой друг станет убийцей, потому что Ангелсу – бог смерти, и он приходит только вместе с ней.

– Мама Джули, – сказал я, – Хасан и так уже убийца. Если бы за каждого убитого им ты получила бы кусочек жвачки и попробовала бы всю ее сжевать, ты бы выглядела как бурундук. Он профессиональный убийца – и поэтому старается держаться в рамках закона. С тех пор как на материке разрешены дуэли, большую часть своей работы он на них и делает. Ходили слухи, что иногда он совершает незаконные убийства, но это ни разу не удалось доказать. Так что, – закончил я, – скажи мне, кто он, Ангелсу, – бог палачей или убийц? Все-таки между ними должна быть какая-то разница.

– Для Ангелсу – никакой, – промолвила Мама Джули.

Тем временем Дос Сантос, дабы прекратить спектакль, схватил Хасана за запястья. Он пытался разомкнуть его руки, однако как-нибудь попробуйте согнуть прутья решетки, и вы представите себе эту картину.

Я пересек помещение и со мной еще несколько человек. Как оказалось – к счастью, поскольку Хасан наконец заметил, что перед ним кто-то стоит, и рывком вниз освободил руки. Тут же из-под его одежды появился стилет с длинным лезвием.

В действительности ли он собирался применить его против Дона или еще кого-нибудь, вопрос спорный, потому что в этот момент Миштиго заткнул бутылку своей Коки большим пальцем и ударил его ею за ухом. Хасан повалился вперед, и Дон поймал тело, я же вырвал лезвие из его пальцев, а Миштиго прикончил свою Коку.

– Интересный ритуал, – заметил веганец, – я и представить себе не мог, что в этом большом парне кроются такие сильные религиозные чувства.

– Это только доказывает, что ни в чем нельзя быть слишком уверенным, не так ли?

– Да. – Он вытянул руку, указывая на зевак: – Они что, все поголовно пантеисты¹⁸?

Я покачал головой:

– Скорее примитивные анимисты¹⁹.

– А в чем разница?

– Ну, скажем, если эта бутылка Коки, только что опустошенная вами, должна занять свое место на алтаре, или «пе», как его называют, – она будет сосудом для Ангелсу, коль скоро она оказалась в тесной мистической связи с Богом. Так ее видит какой-нибудь анимист. Ну а пантеист будет немного огорчен, если кто-нибудь явится без приглашения во время ритуала да еще накуролесит вроде нас. Пантеисту, возможно, захочется принести незваных гостей в жертву Агве Войю, богу моря, – и он раскроит им черепа в соответствии с ритуалом и сбросит с пирса. Вот почему я не чувствую себя обязанным объяснять Маме Джули, что все эти люди, глазеющие на нас, самые настоящие анимисты. Простите, я отойду на минутку.

На самом деле все обстояло далеко не так мрачно, но мне хотелось немножечко его напугать. Думаю, это удалось.

¹⁸ *Пантеисты* – приверженцы пантеизма, учения о божестве, растворенном в природе, идентифицирующимся с ней.

¹⁹ *Анимисты* – приверженцы анимизма, религиозного представления о духах и душе, где явления и объекты природы наделяются собственной волей.

Извинившись и пожелав доброй ночи, я подобрал Хасана. Он был холоден и недвижим, и только мне было под силу тащить его.

Кроме нас, на улице никого не было, а большая великолепная лодка Агве Войо взрезала волны где-нибудь за восточным краем мира, плеща в небеса его любимыми красками.

Дос Сантос рядом со мной сказал:

– Наверно, вы были правы. Видимо, нам не следовало с вами ходить.

Я не стал утруждать себя ответом, но Эллен, шедшая впереди с Миштиго, обернулась.

– Чушь. Если бы мы не пошли, то лишились бы замечательного драматического монолога в исполнении того, кто ставит шатры-палатки. – Тут я оказался в зоне досягаемости – обе ее руки метнулись ко мне, и пальцы сомкнулись у меня на горле. Давить она не давила, но ужасно гримасничала, рычала, мычала, охала: – В меня вселился Ангелсу, да и в тебя тоже! – А затем рассмеялась.

– Отпусти горло, иначе я просто сброшу на тебя этого араба, – сказал я, невольно сравнивая оранжево-коричневый цвет ее волос с оранжево-розовым цветом неба за ней и улыбаясь. – А то слишком уж он тяжелый.

Перед тем как отпустить, она сжала пальцы на моем горле – не сильно, но все же довольно чувствительно для шутки, – а затем снова повисла на руке у Миштиго, и мы двинулись дальше. Да, женщины никогда не дают мне пощечин, поскольку я всегда подставляю первой другую щеку, а они боятся грибка; так что, полагаю, слегка меня придушить – это и есть единственная их альтернатива.

– Ужасно интересно, – поделилась Красный Парик. – Так необычно. Как будто во мне самой кто-то танцевал с ними. Странное было чувство. Вообще-то я не люблю танцы – никакие.

– Какой у тебя акцент? – перебил я ее. – Никак не могу определить.

– Не знаю, – сказала она. – Во мне помесь ирландского с французским. Жила на Гибридах, а также в Австралии, Японии, до девятнадцати лет...

Тут Хасан простонал, изогнулся, напрягая мышцы, и я почувствовал резкую боль в плече.

Я опустил его на порог и обыскал, обнаружив два метательных ножа, еще один стилет, очень изящный гравитационный нож, Бови с зубчатым лезвием, цепочки для удушения и металлическую коробочку с различными порошками и пузырьками с жидкостями, которые я не стал тщательно исследовать. Мне понравился гравитационный нож, и я оставил его себе. Это был Корикама, очень хорошей отделки.

В конце следующего дня – назовем его вечером – я хитростью заманил старика Фила, решив сделать себе такой подарок за посещение номера люкс Дос Сантоса в отеле «Роял».

Редпол до сих пор дает Филу от ворот поворот, как какому-нибудь возвращенцу Тому Пейну, даже несмотря на то что мой друг уже более полувека доказывает, что он тут ни при чем, – с тех самых пор, как стал обретать значительность и респектабельность. Помимо «Зова Земли», возможно, лучшего из написанного им, он также клепал Статьи Возвращения, которые помогли высветить нужную мне злобу дня. В ту пору Фил был способен на безответственные поступки, хотя в то же время считался постановщиком проблем, и я уверен, что он еще собирает в свой архив нежные взгляды и пылкие признания, время от времени достает их, стряхивая пыль, испытывая при этом явное удовольствие.

Кроме Фила, у меня был еще один предлог для визита – я хотел посмотреть, как чувствует себя Хасан после прискорбного удара, который он получил в поселке. А вообще-то я хотел воспользоваться случаем, чтобы поговорить с Хасаном и выяснить, если уж на то пошло, готовы ли он мне сообщить, каковы его теперешние обязанности.

Итак, мы с Филом отправились туда пешком. От строений Конторы до отеля было недалеко. Около семи минут своим ходом.

– Ты уже закончил писать элегию на меня? – спросил я.

– Еще над ней работаю.

– Ты двадцать лет это говоришь. Поторопился бы, чтобы я успел прочесть.

– Я могу показать тебе несколько очень милых... на Лоурела, на Джорджа, есть даже одна на Дос Сантоса. В моей картотеке все виды заготовок – из разряда трафаретов – для людей менее выдающихся. Однако твоя – целая проблема.

– А именно?

– Я вынужден постоянно ее обновлять. Ты ведь не стоишь на месте – живешь себе, радуешься, делаешь что-то.

– Не одобряешь?

– Большинство людей имеют честь что-то делать с полвека, а затем они замирают на месте. С их элегиями нет проблем. У меня такими шкафы забиты. Но, боюсь, твоя должна быть вещью свежее испеченной с диссонансом в конце. Я не люблю так работать. Мне нужны годы, чтобы все хорошенько обдумать, чтобы тщательно оценить жизнь моего героя, и без вмешательства со стороны. А вы, те, кто живет своей жизни, как в народных песнях, с вами хлопот не оберешься. Думаю, ты хочешь, чтобы я написал тебе эпос, но я становлюсь слишком стар для этого. Иногда я засыпаю на ходу.

– По-моему, ты просто водишь меня за нос, – сказал я ему. – Другие заполучают свои элегии, мне бы хотя бы парочку хороших детских стишков.

– У меня такое чувство, что твоя вскоре будет закончена, – заметил он. – Я постараюсь вовремя сделать для тебя экземпляр.

– О! Из каких таких глубин проистекает сие чувство?

– Кто может локализовать источник вдохновения?

– Ты.

– Это снизошло на меня, когда я медитировал. Я был занят сочинением элегии на веганца – конечно, просто так, в порядке упражнения – и вдруг поймал себя на мысли: «Скоро я закончу элегию на грека». – Немного помолчав, он продолжал: – Концепция этой вещи такова: ты – как два человека, один ростом выше другого.

– Это можно сделать, если я встану перед зеркалом и буду переносить вес с ноги на ногу. У меня одна нога короче другой. Таким образом я концептуализирую твою идею²⁰. Ну и что дальше?

– Ничего. Ты все это не совсем правильно понимаешь.

– Это культурная традиция, против которой у меня никогда не было достаточно иммунитета. Вроде моей слабости к узлам, лошадям – Гордия²¹, Троя... Сам знаешь. Мы прилипали. Он молчал на протяжении десяти последующих шагов.

– Так перья или свинец? – спросил я его.

– Пардон?

– Это загадка калликанзаросцев. Выбирай.

– Перья?

– Ты ошибся.

– А если бы я сказал: «свинец»?

– Ну... У тебя только один шанс. Правильный ответ тот, который нужен калликанзаросцу.

Ты проиграл.

– Это слегка смахивает на приговор.

– Такова Калликанзароя. Скорее греческое, чем восточное коварство. Не столь непостижимое. Поскольку твоя жизнь часто зависит от ответа, калликанзаросец, как правило, предпочитает, чтобы в проигравших был ты.

²⁰ Весь пассаж представляет собой шутку по поводу идей философии концептуализма, занимающегося поисками общего в единичных предметах, на основе чего возникает концепт, выраженный словом.

²¹ Герой не точен. Речь может идти только о мифологическом царе Фригии по имени Гордий, завязавшем узел, который никто не мог развязать.

– Почему?

– Спроси при встрече у какого-нибудь калликанзаросца, если представится такой случай.

Они натуры неуправляемые.

Мы вышли на нужную авеню и повернули по ней.

– С чего это тебя вдруг снова заинтересовал Редпол? – спросил Фил. – Ты ведь давным-давно ушел оттуда.

– Я ушел в подходящее время, и все, что меня интересует, это оживает ли он снова – как и в прежние дни. Хасан мнит себя шишкой, поскольку всегда обеспечивает успех, и я хочу знать, что там у них в загашнике.

– Ты не встревожен тем, что они тебя отыскали?

– Нет. Возможно, в этом есть свои неудобства, но я сомневаюсь, что это меня свяжет.

«Роял» засверкал перед нами, и мы вошли, напрямик направившись в номер люкс. Когда мы шагали по ковровой дорожке коридора, Фил в порядке констатации заметил:

– Опять я создаю помехи.

– Похоже, что так.

– О'кей. Десять против одного, что ничего ты не разнюхаешь.

– На это ставить не буду. Возможно, ты и прав.

Я постучал в дверь из темного дерева.

– Привет, – сказал я, когда она открылась.

– Входите, входите.

И мы вошли.

Десять минут мне потребовалось, чтобы перевести разговор на прискорбную тему избития Бедуина, поскольку там была Красный Парик, сбивавшая меня с толку тем, что была там и сбивала с толку.

– Доброе утро, – сказала она.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Есть что-нибудь новенькое в Искусствах?

– Нет.

– В Монументах?

– Нет.

– В Архивах?

– Нет.

– Какая интересная у вас работа!

– О, все романтики из конторы информации – это они создали ореол, растрезвонивший про нас чего нет. А в действительности мы лишь обнаруживаем, восстанавливаем и сохраняем письменные следы и остатки материальной культуры человечества.

– Что-то вроде старателей культурной помойки?

– М-да... Думаю, сказано точно.

– Но зачем?

– Зачем что?

– Зачем вы это делаете?

– Кто-то должен, ведь это культурная помойка. Так что постараться стоит. Свою помойку я знаю лучше всех.

– Ты одержим, при том что и скромн. Тоже хорошо.

– Когда я просился на эту работу, было не так уж много, из кого выбирать, – а я знал, где припрятано огромное количество помоек.

Она протянула мне питье, сама сделала полтора глоточка из своего бокала и спросила:

– Они еще и вправду вокруг нас?

– Кто? – поинтересовался я.

– Старые боги. Корпорация божеств. Вроде Ангелсу. Я думала, что все боги покинули землю.

– Нет, не покинули. То, что в большинстве своем они похожи на нас, не означает, что они ведут себя так же, как мы. Когда человек покидал землю, он не предложил им отправиться вместе с ним, а у богов тоже есть гордость. Однако, возможно, они должны были остаться, – есть такая вещь под названием ананке, смертная участь. Никому ее не миновать.

– Как и прогресса?

– Да. К вопросу о прогрессе. Как Хасан прогрессирует? Когда я видел его в последний раз, он остановился на мертвой точке.

– Уже на ногах. Орясина. Толстая черепушка. Здоровехонек.

– Где он?

– Дальше, налево. Зал для игр.

– Пожалуй, я схожу выразить ему свое сочувствие. Прощаешь?

– Уже прощен, – сказала она, кивая, и пошла послушать, как Дос Сантос говорил с Филом. Фил, естественно, приветствовал такое пополнение.

Никто не отметил мой уход.

Зал для игр находился в другом конце длинного коридора. Подходя, я услышал «шмак», потом стало тихо, а потом снова – «шмак».

Я открыл дверь и заглянул.

Он был там один.

Стоял спиной ко мне, но, услышав, что дверь открылась, быстро повернулся.

На нем был длинный пурпурный халат, правая его рука покачивала нож. На затылке красовалась большая наклепка пластыря.

– Добрый вечер, Хасан.

Рядом с ним стояла корзина с ножами, а на противоположной стене он укрепил мишень. В ней торчало два ножа – один в центре, другой на шесть дюймов в сторону, девятка на циферблате.

– Добрый вечер, – медленно произнес Хасан. Затем, подумав, добавил: – Как ты себя чувствуешь?

– О, отлично. Я пришел задать тебе тот же вопрос. Как твоя голова?

– Боль очень сильная, но пройдет.

Я закрыл за собой дверь.

– Тебе, должно быть, что-то привиделось прошлым вечером.

– Да. Мистер Дос Сантос говорит, что я сражался с призраками. Не помню.

– Ты ведь не курил то, что толстый доктор Эммет называет Каннабис сатива – конопля.

– Нет, Караги. Я курил цветок-вампир, который сосет человеческую кровь. Нашел его у Старого Места – Константинополя – и аккуратно высушил лепестки. Одна старуха сказала, что он позволит мне заглянуть в будущее. Она соврала.

– ...И кровь вампира вызывает приступы безумия? Это что-то новое, надо записать. Между прочим, ты только что назвал меня Караги. Я бы хотел, чтобы ты так меня не называл. Меня зовут Номикос, Конрад Номикос.

– Хорошо, Караги. Я был удивлен, увидев тебя. Я думал, что ты давно умер, когда твой великолепный корабль разбился в гавани.

– Караги тогда и умер. Ты говорил кому-нибудь, что я похож на него?

– Нет, я попусту не болтаю.

– Хорошая привычка.

Я пересек комнату, выбрал нож, взвесил его на руке, метнул, и он воткнулся примерно в десяти дюймах справа от яблочка.

– Давно работаешь на мистера Дон Сантоса?

– Примерно с месяц.

Он метнул нож. Тот воткнулся на пять дюймов ниже яблочка.

– Ты что, его телохранитель?

– Верно. Я также охраняю голубого.

– Дон Сантос говорит, что он боится покушения на Миштиго. Тому действительно что-то угрожает или же он в безопасности?

– Возможно, и то и другое, Караги. Я не знаю. Мне платят только за охрану.

– Если я заплачу тебе больше, ты скажешь, кого тебе поручили убить?

– Мне поручили только охрану, но, если бы было иначе, я бы все равно тебе не сказал.

– Не думаю. Пойдем возьмем ножи.

Мы подошли к мишени и вытащили из нее ножи.

– Итак, если это, случаем, я, что вполне возможно, почему бы нам не решить дело прямо сейчас? – предложил я. – У каждого из нас по два лезвия. Тот, кто выйдет из зала, скажет, что другой на него напал, так что остальное было делом самообороны. Свидетелей нет. Прошлым вечером нас видели пьяными, во всяком случае, нетрезвыми.

– Нет, Караги.

– Что «нет»? Нет, что я не был пьяный? Или нет, чтобы мы все решили именно таким образом?

– Я могу сказать, ты ни при чем. Но откуда тебе знать, правду ли я говорю.

– Верно.

– Я могу сказать, что не хочу это решать именно таким образом.

– В самом деле?

– Я этого не говорю. Но, чтобы дать тебе приемлемый ответ, скажу следующее: если бы я хотел тебя убить, я бы это сделал не ножом, что у меня в руке, и не стал бы боксировать с тобой или бороться.

– Почему?

– Потому что много лет тому назад, когда я был мальчиком, я работал на курорте в Керчи, прислуживал за столом у богатых веганцев. Ты не знал меня тогда. Я только что приехал с Памира. А ты с другом-поэтом прибыл в Керчь...

– Теперь я вспомнил. Да... В тот год умерли родители Филя – они были моими добрыми друзьями, и я собирался отдать Филя в университет. Но там был веганец, который отобрал у Филя его первую женщину и взял ее с собой в Керчь. Да, циркач-эстражник – забыл его имя.

– Трилпай Лиго, шаджапта-боксер, и выглядел он как гора на краю великой равнины – высокий, неколебимый. Он боксировал против цестуса²² веганцев – на голый кулак наматывается кожаный ремень с десятью острыми шипами.

– Да, помню...

– Прежде ты никогда не занимался боксом шаджапта, но ты дрался с ним за девушку. Собралась огромная толпа из веганцев и девушек-землянок, и, чтобы видеть, я забрался на стол. Уже через минуту твоя голова была вся в крови. Он старался, чтобы кровь залила тебе глаза, а ты все встряхивал головой. Мне было тогда пятнадцать, я сам убил только троих и думал, что ты умрешь, потому что ты даже ни разу не коснулся его. А потом правая твоя рука выстрелила в него, как брошенный молот, как молния! Ты ударил его прямо в середину этой двойной кости, которая есть в грудной клетке голубых, – а они в этом месте куда крепче нас, – и расколол его, как яйцо. Я бы никогда так не смог. Вот почему я боюсь твоих кулаков и твоих рук. Позднее я узнал, что ты убил голыми руками летуче-паучью мышь... Нет, Караги, я бы убивал тебя на расстоянии.

– Это было так давно... Не думал, что кто-нибудь еще помнит.

²² Цестус – кулачный боец в Древнем Риме.

– Ты отбил эту девушку.
– Да. Запомнил ее имя.
– Но ты не вернул ее поэту. Ты взял ее себе. Вот, вероятно, почему он тебя ненавидит.
– Фил? Из-за той девушки? Я даже забыл, как она выглядела.
– А он никогда не забывал. Вот почему, думаю, он ненавидит тебя. Я распознаю запах мести, могу вынюхать ее источник. Ты увел его первую женщину.
– Таково было ее желание.
– И он стареет, а ты остаешься молодым. Это печально, Караги, когда у друга есть причина ненавидеть друга.
– Да.
– И я не могу ответить на твои вопросы.
– Возможно, тебя наняли убить веганца.
– Возможно.
– Зачем?
– Я сказал, что это возможно, но это не факт.
– Тогда я задам тебе еще только один вопрос, и покончим с этим. Какой прок в смерти веганца? Его книга принесла бы пользу нашим отношениям с веганцами.
– Я не знаю, есть ли в этом прок или нет, Караги. Давай лучше метать ножи.
Что мы и делали. Я уловил расстояние и баланс и послал два ножа прямо в десятку. Затем Хасан всадил еще два, вдобавок к ним, последний нож вскрикнул болевым криком металла, завибрировав возле одного из моих.
– Хочу кое-что тебе сообщить, – сказал я, когда мы снова их вытащили. – Я возглавляю поездку и отвечаю за безопасность ее участников. Я тоже буду охранять веганца.
– Очень хорошо, Караги. Ему нужна защита.
Я положил ножи в корзину и двинулся к двери.
– Мы отправляемся завтра в девять утра. У меня будет конвой скиммеров на первом поле территории Конторы.
– Хорошо. Доброй ночи, Караги.
– ...И зови меня Конрад.
– Хорошо.
Он изготовился, чтобы бросить нож в мишень. Я закрыл дверь и двинулся по коридору обратно. Пока я шел, я услышал еще один «шмак», и прозвучал он гораздо явственней, чем тот, первый. А эхо его прокатилось мимо меня по всему коридору.
Пока шесть скиммеров летели через океаны в направлении Египта, я обратил свои мысли сначала к Косу и Кассандре, а затем не без труда выудил их оттуда и послал вперед – к пескам, к Нилу, к крокодилам-мутантам и некоторым усопшим фараонам, которых должен был тогда потревожить один из последних моих проектов. («Смерть приходит на мягких крыльях к тому, кто оскверняет...» и т. д.) А затем я стал думать о человечестве, грубо запихнутом на полустанок Титана, где оно работает в Конторе Земли, унижающемся на Тайлере и Бакабе, болтающемся на Марсе и кое-как перебивающемся на Рилпахе, Дивбахе, Литане и на паре дюжин других миров Веганского Объединения. Затем я стал думать о веганцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.